

Социально-философский анализ идеологического дискурса в США в конце XX-начале XXI века

The social and philosophical analysis of the ideological discourse in the USA at the end of XX - the beginning of the 21st century

Равочкин Никита Николаевич, старший преподаватель. Кемеровская государственная медицинская академия (КемГМА). г. Кемерово.

Ravochkin Nikita Nikolaevich, Senior teacher. Kemerovo state medical academy (KEMGMA). Kemerovo.

E-mail: nickravochkin@mail.ru

УДК 316.33

Аннотация: Важнейшим аспектом функционирования идеологий является их взаимодействие. Конструирование идеологии в США происходит в режиме счастливого завершения любого акта. Таким образом, данная статья, посвященная социально-философскому анализу дискурса в идеологической деятельности в Соединенных Штатах.

Abstract: The most important aspect of functioning of ideologies is their interaction. Designing of ideology in the USA happens in the mode of happy end of any act. Thus, this article devoted social philosophically to the analysis of a discourse in ideological activity in the United States.

Ключевые слова: идеология, дискурс, общество, политика, цивилизация, США.

Keywords: ideology, discourse, society, politics, civilization, USA.

Прежде чем обращаться непосредственно к персоналиям, на чьих именах будет основываться анализ порубежного идеологического дискурса, в рамках данной статьи, вероятно, следует понять, что собой представляет, собственно, «дискурс», а также выяснить, что имеется в виду под словосочетанием «идеологический дискурс». Общеизвестно, что область применимости термина «дискурс» весьма обширна, поэтому можно говорить о существовании дискурсов на любых уровнях общественной жизни, выделяя их по любым критериям, если удастся вычлениить правила конструирования высказываний в пределах какого-то дискурсивного поля. Так, мы можем говорить о дискурсе модерна, подразумевая под этим все высказывания, произнесенные в определенную историческую эпоху, и о дискурсе социальных наук, включающем все исторические периоды, но ограниченный набором высказываний.

Понятие дискурса не тождественно понятию языка, поскольку язык предполагает правила конструирования любого высказывания, то он потенциально включает в себя все возможные высказывания. Как видно из вышесказанного, дискурс не представляет собой нечто стабильное, ведь объекты, характер высказываний, ключевые понятия и темы дискурса постоянно изменяются и трансформируются. Дискурс носит динамичный характер, изменения внутри него происходят по неким правилам, определяющим возможность возникновения того или иного объекта, стиля, концепта или темы в текущий период времени, а также момент и условия их трансформации.

Дискурс всегда индивидуализирован, поскольку не бывает двух одинаковых дискурсов. Причина этой индивидуализации лежит во множественности выборов, среди которых может быть сделан только один. Обозначив причину совершения выбора, т.е. выявив установленные системы отношений между разнородными элементами (статусными позициями, институтами, субъектами, физическим пространством и т.п.), можно будет сделать заключение об общности дискурса.

Поскольку дискурс представляет собой единство, в нем выполняется «закон связности». Это означает, что дискурс всегда непротиворечив, несмотря на все противоречия, которые в нем заключены [4].

Дискурсы не изолированы от мира, т.к. дискурсивные практики прочно связаны с практиками недискурсивными: политическими, экономическими, юридическими и т.д. Однако дискурсы носят закрытый характер, предполагающий выполнение ряда условий для вхождения в область дискурса и приобретения в нем определенной позиции.

Возьмем, к примеру, научный дискурс. Для того чтобы иметь возможность находиться «внутри» него, надо сначала иметь соответствующий уровень знаний в данной области, обладать определенными компетенциями, отсутствие которых не позволит индивиду иметь отношение к научной области.

Из множества определений идеологии остановимся на том, что рассматривает идеологию как систему взглядов и идей, философско-политических программ, лозунгов, концепций, где осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и между собой, которые выражают интересы разных социальных классов, групп, обществ.

Идеологический дискурс протекает на нескольких уровнях, его полемика имеет характер, связанный с наиболее общими проблемами социума на мировом уровне. Так, в нем всегда присутствует полемика, выражающая наиболее общие тенденции борьбы тех или иных идей в духовной атмосфере всего человечества.

Идеологический дискурс периода рубежа XX-XXI веков имеет свои особенности. Современный идеологический дискурс определен различными идейными течениями, диаметрально противоположного характера: одни защищают идеалы гуманизма и демократии, другие – доктрины, обосновывающие насилие и террор, как приоритетные методы достижения политических целей. Но это, по большому счету, в глобальных масштабах [3].

Конкретизируем локально и персонально. В данной статье речь идет об идеологическом дискурсе в США в конце XX - начале XXI века. Что касается имен, то остановимся на таких, как социологи и политологи Эдвард Шилзу, Збигнев Казимеж Бжезинский, Сэмюэл Филлипс Хантингтон, а также философ и политический экономист Фрэнсис Фукуяма.

На рубеже XX - XXI веков наиболее значимой чертой мирового развития является процесс глобализации, которую можно рассматривать, как особое становление единства мира, находящегося во взаимных связях. Данная процедура обусловлена сближением и взаимопроникновением национальных экономик, политической и культурной жизни интегрирующихся стран.

Так создается уникальная ситуация – создание языковой парадигмы, которую можно назвать языком современного мира. Причем претензия этого языка на «деидеологизированность» является не столько пропагандой, сколько результатом того, что «в новых условиях он диктует основные правила составления всякого дискурса, определяя нормы политкорректности в глобальном масштабе» [2].

Э. Шилз - сторонник деидеологизации социума, полагал, что в обществе объединение или как он это называет «процесс замыкания» – это далеко не самый обязательный элемент. Он так и пишет в своей работе 1970-х годов «Общество и общества: макросоциологический подход»: «общество — это по просто совокупность объединившихся людей, изначальных и культурных коллективов, взаимодействующих и обменивающихся услугами друг с другом. Все эти коллективы образуют общество в силу своего существования под общей властью, которая осуществляет свой контроль над территорией, обозначенной границами, поддерживает и насаждает более или менее общую культуру». Так автор выделяет факторы, превращающие совокупность специфических корпоративных и культурных коллективов в социум.

Для любого коллектива людей вполне естественным является стремление обеспечить собственную самостоятельность, показать «инаковость», а следовательно, и значимость, поэтому происходит специальная замкнутость. Данная тенденция обусловлена наличием властей и границ, которые поддерживают некоторую индивидуальность, устанавливая и ограждая свою целостность.

Но со временем, общественный плюрализм победил, и началось расширение возможностей и разнообразия переходов внутри и вне коллективов. Происходит размыкание. Даже такие, казалось бы, спаянные группы, как семья, родственники, связанные кровными узами, в силу обстоятельств, размыкаются или не в состоянии быть полностью замкнутыми. Шилз приводит примеры различных случаев, способствующих возникновению разомкнутости: «экологические нужды, мощное давление извне и сила индивидуальных привязанностей и желаний прорывают границы, создаваемые процессом замыкания».

И дело даже не в глобальных масштабах размыкания или замыкания общества. Шилз рассматривает возможность сосуществования центра и периферии в государственных рамках. Разговор идет о том, что разомкнутость все равно приведет к замкнутости, но уже на ином уровне. Он – поборник такого варианта интеграции, когда замыкание вокруг центра будет сопровождаться сближением центра и периферии. «Именно по этому пути шли в течение последних полутора столетий страны Западной Европы, Соединенные Штаты и Австралия, а в меньшей степени — Япония и Канада. В этих странах взаимный обмен между центром и периферией и сопутствующее этому обмену повышенное чувство близости привлекли в центр более значительную долю населения и до некоторой степени уничтожили границу, отделявшую в прошлом центр от периферии». Как мы можем заметить, здесь речь идет о стирании определенных границ, что является предвестником глобализации как таковой [7].

Что касается З. Бжезинского, то он, как человек, который был советником президента США по национальной безопасности, главным идеологическим противником видел (и до сих пор видит), нашу страну; сначала СССР, теперь Россию. Для Бжезинского представляется априорным американское глобальное превосходство, подкрепленное «сложной системой союзов и коалиций, которая буквально опутывает весь мир». В книге, написанной им в 1997 году, рассматривается вопрос гегемонии США «как первой, единственной и последней истинно мировой сверхдержавы» [1].

А формирование геополитической картины мира, должно проходить под руководством Америки, поскольку структура ООН устаревает, вопросы там решаются без учета новых реалий и расстановки сил в мире. Он полагает, что «в течение нескольких ближайших десятилетий может быть создана реально функционирующая система глобального сотрудничества, построенная с учетом геополитической реальности, которая постепенно возьмет на себя роль международного «регента», способного нести груз ответственности за стабильность и мир во всем мире».

Трансформация политической истории связана с новой идеологией, отсюда и разное позиционирование видения ситуации. Рассмотрим, каков идеологический дискурс Ф. Фукуямы - идеолога демократической партии, чей программный текст «Конец истории?» вполне отражает его концептуальную позицию.

Фукуяма – апологет либерализма. Для него либерализм на государственном уровне – это «форма рационального самосознания», поскольку» впервые в истории люди как общество осознают свою истинную природу и имеют возможность создать политическую общность, существующую в согласии с этой природой». Пришло время, когда на смену политическим проблемам, приходят проблемы иного общечеловеческого масштаба: технологические, экономические, экологические, культурные. И решаются они только в рамках целостного единого мира. По Фукуяме – это глобальное «открытое общество». В этом обществе нет места дифференциациям ни этническим, ни религиозным, ни государственным, ни классовым, никаким бы то ни было другим. Все – космополиты, все – граждане мира.

Фукуяма отдает себе отчет в том, что вышеназванные категории являются политическими силами огромной мощности, однако, рассматривая каждую из них, он

видит реальную возможность их трансформации в нечто иное, находящееся на более высокой ступени совершенства. Например, переход в «нулевую точку» национализма или религии возможен только в случае полнейшей толерантности.

К проблемному полю национализма Фукуяма относит неравномерное состояние современных стран мирового сообщества. Если в государствах, которые успешны и развиты (те же США) этничность как таковая, откровенно не доминирует, то в странах, чье историческое развитие не столь успешно, вопрос этнической принадлежности стоит довольно остро. Не будем забывать войны, происходившие и происходящие на национальной почве, в силу «проснувшегося» этнического самосознания.

По мнению автора нашумевшего эссе, «национализм проходит определенный жизненный цикл. На некоторых этапах исторического развития, например в аграрных обществах, он вообще не присутствует в сознании людей. Он расцветает сильнее всего в момент перехода к индустриальному обществу или сразу после и становится особенно агрессивным, когда народу, прошедшему первые фазы экономической модернизации, отказывают и в политической свободе, и в национальной идентичности. Поэтому неудивительно, что две западноевропейские страны, породившие фашистский ультра национализм, Италия и Германия, были также последними в индустриализации и политическом объединении или что самый сильный национализм, возникший сразу после Второй мировой войны, пришелся на бывшие европейские колонии в третьем мире».

Фукуяма предположил, что этничность и национализм, в общемировом социуме перейдут из разряда политического в разряд культурный, поскольку национальные группы смогут сохранять свой язык и чувство идентичности, но эта идентичность будет выражаться по-другому: «Пусть французы смакуют свои вина, а немцы — свою колбасу, но это все будет делаться сугубо в сфере частной жизни».

Фукуяма не приписывает себе авторство, указывая на то, что родоначальниками концепции «конца истории» были Гегель, Маркс и Александр Кожев. Он лишь их продолжатель, но в новых условиях и с иной позиции видения и состояния мира.

Почему Фукуяма, тогда еще достаточно молодой ученый смог вызвать полемику в обществе конца последнего десятилетия XX века? Дело в том, что его тема работала, особенно в условиях Америки. На это указывали многие факторы, более того, ведущие политологи, социологи, культурологи, философы США пребывали в уверенности, что все народы мира желают поддерживать линию, которой придерживается американский народ. Искренно полагая, что «остальные подтянутся» естественным путем. Так что на основе американской демократии может получиться общемировое сообщество.

То, что это далеко не так показало 11 сентября. Хотя Фукуяма предупреждал о возможности разрушения либеральной демократии из-за того, что человек всегда имеет стремление к борьбе, и умерить его пыл невозможно. «Последний человек» всегда «будет бороться против самой причины. Он будет бороться ради самой борьбы. Другими словами, люди будут бороться просто от скуки, они не представляют себе жизнь в мире без борьбы». Так что возобновление хода истории – вполне реально, по Фукуяме, поскольку всегда найдутся неудовлетворенные. Но это и есть отрицание его выстроенной концепции, что соответствует временности «конца истории» как такового [5].

Фукуяме, состоящему в «Совете по Международным Дела» в качестве оппонента выступил его коллега по данной организации С. Хантингтон. Равно как и Фукуяма Хантингтон видел мир, в конечном итоге, пришедшим к состоянию либерализма западного типа. Но это не так просто, по мнению Хантингтона, выходит, по сравнению с предыдущим автором.

Хантингтон выводит цивилизации через привлечение внимания к проблемам религиозно-этнического характера. Его цивилизационный подход заключается в том, что он предлагает следующие типы цивилизаций: 1) западная (американо-европейская, католико-протестантская, либеральная), 2) конфуцианская (преимущественно, китайская), 3) японская (синтоистско-буддистская), 4) исламская, 5) индуистская, 6) славяно-православная, 7) латино-американская 8) африканская.

Хантингтон, в своем дискурсе, опирается на «политическое бессознательное» явно связанное с глубинными архетипами, которые формально считаются побежденными, однако, на уровне массовой психологии, безусловно, присутствуют, сохраняя, накопленные веками, свойства.

В численном соотношении, как можно заметить, Западная цивилизация гораздо меньше, чем другие цивилизации, что позволяет говорить о сложностях, которые предстоят Западу, при переходе остальных цивилизаций к либеральному варианту, примером которой как раз и служит самая малочисленная цивилизация.

По мнению Хантингтона, новый статус либерального дискурса современности, как единственного и универсального, подстегнет «политическое бессознательное», но для этого потребуются новые витки междивизиационных конфликтов, что приведет к ослаблению других культур, и тогда они самостоятельно примут вариант западной модели, как чего-то единственно разумного.

«Западная цивилизация, писал Хантингтон, - является одновременно и западной, и современной. Незападные цивилизации попытались стать современными, не становясь западными. Но до сих пор лишь Японии удалось добиться в этом полного успеха» [6]. Что, по Хантингтону входит в понятие «быть современным»? Это не только богатство, в том числе и ресурсами, технологии и квалификация, оборудование и вооружение. Для стран важно проведение модернизации своих традиционных культурных ценностей. Только у Запада может возникнуть проблема, писал в начале 1990-х годов.

Поскольку другие цивилизации будут развиваться и постепенно достигнут уровня, способного конкурировать с европейской цивилизацией, то для того, чтобы сложилась единая универсальная цивилизация, Европе придется выстраивать межкультурный диалог с цивилизациями иного плана. Отсюда и установка на более глубокое изучение для понимания фундаментальных религиозных и философских основ этих цивилизаций.

Рассмотрев идеологические подходы в рамках дискурса теоретиков деидеологизации можно сделать вывод, что все они рассматривали идеологию как предтечу социальной науке, потому что глобализационные процессы меняют мир и отношения в нем. Что, в свою очередь, не может не отражаться на обществе в целом. Поэтому американский идеологический дискурс порубежья XX и XXI веков – это стремление указать путь по отмене идеологии в любом ее виде.

Список литературы и примечания

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Астрель, Neoclassic, 2013. – 704 с.
2. Дугин А.Г. Четвертый Путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М.: Академический проект, 2014. – 683 с.
3. Сирота Н.М. Идеологии и политика. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 216 с.
4. Фуко М. Археология знания. – М.: Гуманитарная Академия, 2012. – 416 с.
5. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ, Neoclassic, 2015. – 576 с.
6. Хантингтон С.Ф. Столкновение цивилизаций – М.: АСТ, Neoclassic, 2014. – 576 с.
7. Шилз Общество и общества: макросоциологический подход// Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972, с.341-359